

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НЕ ЧЕХАМИ В XIV–XVII ВВ.

А. А. Индыченко

Первые следы влияния чешского языка на культурные традиции окружающих этносов прослеживаются уже в древнейший период развития славянской письменной культуры. Со временем сила этого влияния возрастает, XIV в. можно охарактеризовать как эпоху выхода чешского языка на международную арену, а в XV–XVI вв. он уже весьма активно функционирует за пределами этнической территории — в Силезии, Словакии, Польше, в славянском ареале Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ)¹. Формы широко понимаемого «влияния» чешской традиции на письменность соседних регионов были весьма различны. Это — использование чешского языка в письменности, та или иная степень чешского влияния на определённый круг памятников или ориентация на чешский образец в ходе формирования литературного языка. Возможно и заимствование из чешского лексических элементов, синтаксических моделей или составляющих формуляра, а также смешанные типы взаимодействия. «Чешская экспансия» может описываться по хорошо известной из контактной лингвистики дихотомии² как «процесс заимствования» («влияние» чешского образца в узком смысле, заимствование лексем и моделей) либо как «процесс интерференции» при использовании чешского языка в письменности; быть субстратной (словацкий литературный язык старого типа, сформировавшийся на базе трнавской формации чешского литературного языка³) или суперстратной («руська мова», литературный язык ВКЛ, субстратом для формирования которого послужили восточнославянские диалекты, а суперстратом — польский и чешский литературные языки⁴).

Причины распространения и высокого престижа чешского языка в славянском мире следует искать как в закономерностях его внутреннего развития, так и в культурно-языковой ситуации Чехии и сопредельных регионов. В Средневековье чешский язык являлся одним из самых развитых славянских языков, уступая первенство как по времени возникновения, так и по области распространения лишь церковнославянскому. Уже в XIV–XV вв. на основе среднечешского наречия формируется наддиалектный идиом, который достаточно стабильно функционирует в письменности XV–XVI вв.⁵ В ту эпоху на чешском литературном языке активно создавалась богослужебная и светская литература, он активно функционировал в деловой письменности, что обеспечивало его высокий статус в славянском мире. Это, наряду с задержкой в развитии литературных языков соседних народов на собственной диалектной базе, открывало широкие перспективы для «чешской экспансии» в иные письменные традиции.

Исследование вопроса о чешском влиянии и о чешском языке за пределами этнической территории началось во второй половине XIX в.; пионером в этой области можно назвать историка Йозефа (Осипа) Первольфа, предложившего

развёрнутый исторический обзор чешско-польских и чешско-«западнорусских» (рутенских) языковых контактов⁶. Ссылки на работы Первольфа обнаруживаются практически во всех последующих трудах, посвящённых истории чешского влияния на письменные традиции соседних народов, его очерки истории западнославянских языковых контактов до сей поры остаются самыми обширными и информативными обзорами по этой теме. В наибольшей степени это касается его последней работы, соответствующие главы которой, наряду с главами фундаментального труда А. Будиловича⁷, представляют собой первые развёрнутые обзоры употребления чешского языка в различных регионах и чешского влияния на иные письменные традиции. Впрочем, несмотря на то что приведённые в этих работах факты располагают к последовательному сопоставлению ситуаций в различных областях, а также заключениям о роли и функции чешского языка в письменности соседних народов, авторы ограничиваются изложением известных им фактов о чешско-польских, чешско-словацких, чешско-«западнорусских» языковых и культурных контактах вне компаративного аспекта исследования. По-видимому, первоочередной задачей для Первольфа было наиболее полное описание связей между отдельными парными традициями (Чехия – Польша, Польша – ВКЛ и др.), А. Будиловича же от «компаративного анализа» отвлекла «идея создания или принятия одного литературного языка, который был бы в ближайшем будущем, т. е. в XX в., в употреблении у всех славян, наряду с другими “общими” и “частными” литературными языками, идея, волновавшая в прошлом ещё хорвата Крижанича, а позже — чеха Юнгмана и многих других славистов и славянофилов»⁸. И всё же в первых работах о чешском языке вне чешской территории очевидна попытка *синтетического* подхода к проблематике, сочетающая, с одной стороны, внимание к историческому фону языкового взаимодействия и лингвистическим результатам языкового контакта, интерес к истории «чешской экспансии» в *различных* регионах, а также рассмотрение «чешской экспансии» в её разнообразных проявлениях, как в области всевозможных влияний и заимствований, так и в области употребления чешского языка в письменности соседних регионов. Примечательно, что уже в трудах Й. Первольфа появляется идея о «смешанном» характере ряда текстов⁹, с развитием которой, по нашему мнению, связаны наиболее значительные достижения в истории исследования «чешской экспансии» в XX–XXI вв.

С интересом к «смешанному» языку, возникшему в ходе проникновения в чешские тексты регионализмов, мы сталкиваемся и в трудах словака С. Цамбела. Исследователь стремился наметить хронологические, географические и культурные координаты существования особого «гибридного» образования, так называемого «чехословацкого языка», лёгшего в основу собственно словацкой письменной традиции¹⁰. К сожалению, в работах Цамбела также отсутствует сколько-нибудь последовательный анализ репрезентативных текстов, а его исторические построения зачастую крайне гипотетичны. На столь шатком фундаменте могла с равным успехом доказываться как самостоятельность словацкой письменности, так и её вторичность и полная зависимость от чешской. В частности, последний тезис отстаивал известный сторонник идеологии чехословакизма, историк А. Пражак, при

доказательстве тезиса о несамостоятельности и вторичности словацкой письменной традиции также не прибегавший к филологическому знанию¹¹.

Однако именно благодаря попытке комплексного подхода к проблематике, а также эмпирической содержательности выполненные в жанре историко-культурного обзора работы Й. Первольфа, А. Будиловича и С. Цамбела до сегодняшнего дня сохраняют для лингвиста свою ценность, несмотря на отсутствие в них филологических аргументов и анализа текстов.

Впрочем, уже на раннем этапе исследования употребления чешского языка в различных регионах мы встречаем сугубо филологические исследования языка различных памятников. К подобного рода работам относятся, в частности, статьи В. Неринга о языке древнепольских памятников, испытавших влияние чешской письменной традиции¹², а также исследование Й. Иречека о «моравизмах» в древнечешских памятниках¹³. Подобного рода филологическая критика текста, в той или иной степени изолированная от рассмотрения исторического контекста появления памятников, однако, не всегда способствовала накоплению сведений о языке данного периода. Особенно это касается работы Й. Иречека, которая, несмотря на свою очевидную фактологическую ценность, отличалась некоторой произвольностью филологического анализа. Думается, что вопрос о квалификации того или иного языкового факта как заимствования в любом случае не может быть разрешён без учёта исторического контекста возникновения данного памятника, а также оценки положения отдельного заимствования в структуре того или иного текста.

Пример сочетания историко-культурного и филологического подходов представлен в работе Я. Станислава о словакизмах в древнечешских памятниках. Автору удаётся на основании тщательного анализа языка и исторического контекста не только связать создание двух важных для истории чешско-словацких контактов памятников Клементинской псалтыри и Венского апракоса с территорией Средней Словакии, но и наметить общие правила подобного анализа¹⁴. Результаты исследований, представленные в указанной статье, и должны выступать необходимой базой для масштабных обобщений о роли, функции и механизме воздействия чешского литературного языка на письменность окружающих народов.

Следующий важный аспект исследования чешского языка за пределами этнической территории, а также чешского влияния на письменность на ином славянском языке связан с необходимостью применения для описания истории различных славянских письменных традиций *функционального* критерия. Попытка понять функциональную подоплёку чешского влияния на письменность соседних регионов возникает в славистике задолго до возникновения Пражской лингвистической школы, с деятельностью которой обыкновенно связывается особый интерес к лингвистическому содержанию понятия «функция». Так, уже в начале XX в. в славистике обсуждается идея о чешском образце как «виновнике» отсутствия мазурения в языке польской письменности¹⁵. В дальнейшем эта идея будет развиваться в трудах многих полонистов¹⁶; кульминацией её развития можно назвать выдвинутую Зд. Штибером «теорию арбитра», согласно которой чешский литературный язык служил своеобразной инстанцией для решения вопроса о том, какой из двух диа-

лектных вариантов — малопольский или великопольский — войдёт в систему культурного диалекта, впоследствии лёгшего в основу польского литературного языка¹⁷.

В конце 20–30-х гг. XX в. в связи с деятельностью Пражской школы интерес к функциям чешского литературного языка вне пределов чешской этнической территории ещё более усиливается. Так, вопрос о функциях чешского литературного языка в ходе «чешской экспансии» в другие письменные традиции выдвигается на первый план в трудах Б. Гавранека¹⁸, для которого характерно особое внимание к функциональному наполнению того или иного языкового изменения. В частности, обширный очерк истории развития чешского литературного языка, в котором автор обращает внимание и на историю чешского языка за пределами Чехии, задумывается Гавранеком как очерк развития *специальных средств литературного языка*, позволяющих ему успешно выполнять свои *функции*. Именно на заимствование таких средств (лексика, касающаяся культуры и цивилизации, специальные синтаксические средства и словообразовательные модели) из системы чешского литературного языка в другие языки он обращает особое внимание при обозрении истории употребления чешского языка в письменности различных регионов, а также чешского влияния на те или иные памятники. Возвращаясь к известному нам по работам Первольфа и Будиловича жанру историко-культурного обзора с элементами лингвистического анализа, Гавранек сравнивает силу чешского влияния в различных регионах и ищет объяснения для особенностей той или иной ситуации языкового контакта, опираясь как на сведения об историческом фоне языковых взаимодействий, «внешнюю историю языка», так и на внутренние законы развития *литературных языков*.

Не менее ярко методологические принципы функционализма проявились в работах Р. Якобсона, посвящённых чешскому влиянию на польскую литературу и польский литературный язык¹⁹. Особое внимание автора привлекает механизм чешского влияния на польскую письменность в Силезии. Согласно Якобсону, функцией богемизмов в силезских текстах, созданных на «гибридном чешско-польском языке», была маркировка их «высокого» литературного характера, а от несовершенных попыток подражания языку и стилю чешских оригиналов вела прямая дорога к сознательному отступлению от чешских норм, к формированию собственного, местного варианта культурного языка и, далее, к складыванию и полифункциональному употреблению польского литературного языка на территории Силезии. Якобсон сопоставляет эту ситуацию с историей русского языка, формировавшегося как *литературный язык* при непосредственном участии церковнославянского²⁰. Очевидно, что идеи Р. Якобсона во многом предвосхищают достижения истории славянских литературных языков, явленные в трудах В. В. Виноградова и Н. И. Толстого, как и последние по времени плодотворные исследования языковых контактов в славянском мире²¹.

В рамках функционализма, как нам представляется, написана и исключительно интересная статья Л. Новака, оригинально развившего идеи С. Цамбела о добернолаковском периоде истории словацкого литературного языка. Интересно, что Новак также привлекает для описания роли чешского языка в формировании

словацкого литературного языка аналогию «церковнославянский язык — русский язык нового типа». Согласно Новаку, увеличение числа словакизмов в словацкой письменности можно уподобить постепенному размыванию норм церковнославянского языка в XVII в. Поначалу «диалектные элементы» проникают в памятники раз от раза и без всякой системы, однако впоследствии они начинают допускаться в тексты высокой социальной важности сознательно. Подобный «смешанный» язык (русская редакция церковнославянского языка XVII в. / западно-словацкая редакция чешского литературного языка), согласно Новаку, радикально изменяет свой статус в общественном сознании не в связи с нарастанием в его составе «диалектизм», но в связи с изменениями в атмосфере эпохи (петровские реформы / йозефинское просвещение). Задачей современного ему словацкого языкознания автор считает скрупулёзное исследование вопроса о том, каким образом из литературного чешского языка в Словакии в процессе «отталкивания» от его норм образовался словацкий литературный язык, кодифицированный в конце XVIII в. А. Бернолаком²².

Достоинством трудов Л. Новака является и их синтетический, междисциплинарный характер: к решению вопроса о *функции* чешского литературного языка в Словакии он привлекает сведения из общественно-политической и культурной истории (элементы *социолингвистического* анализа) и осуществляет *лингвистический* анализ ряда памятников, последовательно применяя принцип различения идиомов по функциональному признаку.

Комплексный подход к проблематике чешского языка вне пределов этнической территории, обогащённый наследием функционализма, представлен в многочисленных и обширных трудах историка Й. Мацурека²³. Перу Мацурека принадлежат работы о чешско-словацких, чешско-польских, чешско-украинских и чешско-молдавских языковых и культурных связях. Не будучи по специальности филологом, автор ограничивается историко-дипломатическим исследованием памятников деловой письменности: в первую очередь его интересовали сходства и различия в формуляре грамот. Но, не претендуя на исчерпывающий анализ, Мацурек обращает внимание и на языковой облик документов. Результаты конкретных исследований обобщаются им с привлечением сведений об историческом фоне языкового контакта. Комплексно исследуя историю деловой письменности различных регионов, Мацурек приходит к ряду важных выводов о специфике бытования и *функции* чешского литературного языка за пределами его этнической территории, обнаруживая значительные сходства в ходе и результатах «чешской экспансии» в деловую письменность соседних регионов²⁴.

Плодотворность комплексного подхода, основанного на функциональном методе, при исследовании истории межславянских языковых и литературных связей была продемонстрирована в недавних работах, так или иначе касающихся вопроса о чешском языке как источнике влияния на письменность окружающих Чехию областей. Речь идёт об упомянутых выше исследованиях Ю. Верховланцевой, Н. Н. Запольской, К. В. Лифанова. Прежде всего обращает на себя внимание интерес указанных исследователей к специфическим законам развития литературного языка в ситуации языкового контакта, а также попытка на основании анализа репрезен-

тативного языкового материала изучить законы этого развития, привлекая данные контактной лингвистики, исторической диалектологии, социолингвистики, истории культуры. Исключительно плодотворными представляются высказанные указанными авторами идеи о «формально-семантической производности» языка изданий Скорины от чешского литературного языка²⁵; о гибридном характере «русской мовы», языка, сложившегося в результате «письменного контакта» (*literacy contact*)²⁶; о «гибридизации» древнечешского литературного языка и систем словацких диалектов, явившейся базой для формирования словацкого литературного языка старого типа²⁷. Несмотря на все различия анализируемого материала, указанные авторы приходят к сходным выводам о функции чешского литературного языка в различных регионах и о «механике» складывания на его основе особых, «гибридных» идиомов, впоследствии функционировавших как полноценные литературные языки.

Перспективы дальнейшего исследования этой проблематики прежде всего связаны с применением *лингвистического инструментария* для анализа материала по истории межславянских языковых контактов — при осознании специфики развития литературных языков как феноменов, проблема возникновения и развития которых «есть не только и даже не столько проблема лингвистическая, сколько историко-культурная»²⁸. С другой стороны, компаративный подход к проблематике, а также преимущественное внимание к ходу «интерференции» чешского литературного языка и различных местных идиомов позволяет рассмотреть общую проблематику межславянских связей в эпоху Средневековья и Нового времени как вопрос, касающийся богемистики как таковой, вопрос о сходствах, различиях, истории формирования и результатах функционирования различных локальных разновидностей и манифестаций чешского литературного языка в XIV–XVII вв. Его исследование может, во-первых, значительно дополнить наши сведения об истории славянских литературных языков в мире *Slavia Latina* и западной части мира *Slavia Orthodoxa*. Во-вторых, изучение «механики» процессов заимствования / интерференции при формировании славянских литературных языков обогащает арсенал лингвистической контактологии, методы которой в последние годы завоёвывают всё больше сторонников среди лингвистов-славяноведов. В свою очередь, включение в исследовательский арсенал богемистики методов лингвистической контактологии и социолингвистики при учёте достижений истории славянских литературных языков и славянской исторической диалектологии открывает новые перспективы междисциплинарных славяноведческих исследований.

¹ Šlosar D., Večerka R., Dvořák J., Malčík P. Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Brno: HOST, 2009. S. 43–44, 60–61, 70–71, 88–89.

² Ср., например: Thomason S., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1988. P. 37–45.

³ Novák L. Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny // Slovenské pohľady. 1938. Č. 4. S. 220–222.

⁴ Verkholtantsev Ju. Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland. Wien–Berlin: Lit Verlag, 2008. P. 10–11, 128–147.

- ⁵ Широкова А. Г., Нецименко Г. П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 27.
- ⁶ Первольфъ I. Славянская взаимность с древнейших временъ до XVIII вѣка. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. С. 183–195; *Он же*. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1890. Томъ III: Славянская идея в политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ Славянъ до конца XVIII вѣка. Ч. I: Западные славяне. С. 213–250.
- ⁷ Будилович А. С. Общеславянский язык в ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Варшава: Тип. М. Земкевич, 1892. Т. 2. С. 186–218.
- ⁸ Толстой Н. И. Slavia orthodoxa et slavia latina — общее и различное в литературно-языковой ситуации // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16.
- ⁹ Ср., например: Первольфъ I. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. С. 234–238.
- ¹⁰ Czambel S. Slováci a ich reč. V Budapešti, 1903. С. 174–179; *Ibid.* Príspevky k dejinám jazyka slovenského. V Budapešti: tlačou C. a Kr. Dvornej kňihtlač. Viktora Hornyánszkeho, 1887. S. 1–32.
- ¹¹ Pražák A. Češi a Slováci. Literárně dějepisné poznámky k československému poměru. Praha, Státní nakladatelství, 1929; *Ibid.* Dějiny spisovné slovenštiny po dobu Štúrova. Praha: Nákladem Gustava Voleského, knihk. a nakl. v Praze na Král. Vinohradech, 1922.
- ¹² Nehring W. O psalterzu floryańskim łaćińsko-polsko-niemieckim w szczególności o polskim jego działu. Poznań: Księgarnia Jana Konst. Żupańskiego, 1871; *Ibid.* Ueber den Einfluss der altčechischen Literatur auf die altpolnische // Archiv für slavische Philologie, I. 1876. S. 60–81. II. 1877. S. 409–436.
- ¹³ Jireček J. O zvláštnostech češtiny ve starých rukopisech moravských // Rozpravy královské české společnosti nauk, VII. Reihe. 2. Band. Prag: Nákladem královské české společnosti nauk, 1887.
- ¹⁴ Stanislav J. Zur Frage der Slowazismen in der alttschechischen Denkmälern // Zeitschrift für Slawistik. 1956. Bd. I. Heft 4. С. 58–70; 1957. Bd. II. Heft I. S. 37–51.
- ¹⁵ Nitsch K. Pochodzenie polskiego języka literackiego // Pochodzenie polskiego języka literackiego. Wrocław: Zakład im. Ossolinskich, 1956. S. 7–17. (1-е изд. — 1913.)
- ¹⁶ Материалы дискуссии о диалектной базе польского культурного диалекта и о возможности чешского влияния на его формирования опубликованы в сборнике: Pochodzenie polskiego języka literackiego. Wrocław: Zakład im. Ossolinskich, 1956.
- ¹⁷ Stieber Zd. Uwagi o pochodzeniu polskiego języka literackiego // Język polski. 1950. XXX. S. 161–165.
- ¹⁸ Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého // Československá vlastivěda. Praha: Sfinx, 1936. Řada II: Spisovný jazyk český a slovenský. S. 1–144; *Ibid.* Expanse spisovné češtiny od 14 do 16 století // Co daly naše země Evropě a lidstvu. 2 vydání. Evropský literární klub, 1998. S. 103–116.
- ¹⁹ Jansen O. (Jakobson R.) Český podíl na církevněslovanské kultuře // Co daly naše země Evropě a lidstvu. Praha: Evropský literární klub, 1940. S. 9–20; *Ibid.* Český vliv na středověkou literaturu polskou. S. 48–51. // Co daly naše země Evropě a lidstvu. Praha: Evropský literární klub, 1940. S. 48–51; Jakobson R. Slezskopolská cantilena inhonesta ze začátku XV století // Národopisný věstník československý. Praha, 1934–1935. XXVII–XXVIII. S. 56–84.
- ²⁰ Jakobson R. Slezskopolská cantilena inhonesta ze začátku XV století. S. 71–72.
- ²¹ Виноградов В. В. О новых исследованиях по истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1969. № 2; Толстой Н. И. Взаимоотношение локальных типов древ-

неславянского литературного языка (вторая половина XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. V международный съезд славистов. М.: Изд. АН СССР, 1963; Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам). Опыт сравнительного рассмотрения // История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. С. 6–27; Толстой Н. И. *Slavia orthodoxa* и *slavia latina* — общее и различное в литературно-языковой ситуации // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16–23; Лифанов К. В. Генезис словацкого литературного языка. Muenchen: Lincom Europa, 2001; Запольская Н. Н. Общий славянский литературный язык. Типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик, 2003. С. 78–87; Verkholtantsev Ju. *Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*. Wien–Berlin: Lit Verlag, 2008. P. 10–11, 128–147.

²² Novák L. Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny // Slovenské pohľady. 1938. Č. 5. S. 281–287.

²³ Macůrek J. K dějinám česko-ukrajinských a česko-rumunských vztahů 2 pol. 14 a 1 pol. 15 století // Slovanské historické studie III. Praha, 1960. S. 127–182; Macůrek J., Rejnuš M. K otázce spisovné češtiny v Polsku v 15 a poč. 16 století // Slovanské historické studie IV. 1961. S. 163–261; Macůrek J. Česká a ukrajinská listina 2 poloviny 15 století. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. 1968, S. 125–140; Macůrek J. Po stopách spisovné češtiny v jihozápadní Ukrajině koncem 14 a v 1 polovině 15 století // Závodský A. (ed.): Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Praha, 1958. S. 42–63.

²⁴ Macůrek J., Rejnuš M. K otázce spisovné češtiny v Polsku v 15 a poč. 16 století. S. 209–210.

²⁵ Запольская Н. Н. Общий славянский литературный язык. Типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик, 2003. С. 78–87.

²⁶ Verkholtantsev Ju. *Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*. Wien–Berlin: Lit Verlag, 2008. P. 10–11, 128–147.

²⁷ Лифанов К. В. Генезис словацкого литературного языка. Muenchen: Lincom Europa, 2001. С. 205–219.

²⁸ Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам). С. 3.